

и его окружением. Не случайно идеи трактата Голицына во многом перекликаются с мыслями известного сочинения Дидро «Опыт о живописи» («Essai sur la peinture», 1765).

В своем трактате Голицын отказывается от поклонения перед «чистой красотой» и вместо возвеличивания природы видит цель искусства в познании «естественного закона». Путь к этому лежит в раскрытии простоты и безыскусственности природы. Он ставит вопрос: «...в чем состоит красота натуры?» И отвечает: «...красота натуры всегда состоит в выборе пристойных обстоятельств... Когда увидишь дерево, кое растет прямым стволом, вознося круглую вершину свою и симметрические ветви под облака, то скажешь, прекрасное дерево; и справедливо. Когда увидишь другое сучковатое, искривленное, которого кора шероховата, ветви с расселинами, которое тебе по всему показывает вид старости и постигающей его смерти, то скажешь, что дурное дерево.

Но художник, который за тобою стоит и слушает, воскликнет, что прекрасное дерево, и в том будет прав. Потому, что первое из сих двух деревьев... будет тогда хорошо, когда у места будет поставлено, например, при входе аллеи... или на середине деревни, на площади, на которой обыватели... в праздничные дни для пляски собираются. Но у ворот их хижин надобно быть дереву прискорбному. Тут уже старое и похилое дерево будет кстати, по сходству их бедности с бедностью их хижин, и бедствием живущим в оном. Натура вся прекрасна...»¹⁶

Тезис «учиться у природы» наполняется отныне новым смыслом, поскольку в понятие эстетического идеала включается вся природа как она есть. С этим связан и прямой отказ от традиционного пристрастия к обучению рисованию путем копирования академических моделей, «кои никакого не имеют согласия с прямыми и обыкновенными действиями в жизни нашей».¹⁷

В трактате Голицына по существу впервые в России XVIII в. теоретически обосновывалось внесловное понимание эстетического идеала. Диалектическая трактовка понятия красоты существенно подрывала позиции классицизма. Объективно в ней заключалось обоснование принципов зарождающейся эстетики реализма. Существенно также, что в самой постановке вопроса (в чем состоит красота натуры?) отчетливо обозначились контуры нового решения традиционной для XVIII в. проблемы функции искусства. Прагматизм в подходе к истолкованию природы художественного творчества сменяется выдвиганием на первый план гносеологического аспекта искусства. И в качестве центрального понятия, определяющего природу эстетического, выдвигается понятие «красоты».

Трактат в XVIII в. не был напечатан, но перелом в представлениях о месте искусства в общественной жизни и характере

¹⁶ Памятники мировой эстетической мысли. М., 1964, т. 2, с. 767.

¹⁷ Там же.